

Г У С А Р Ъ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!»

Здѣсь челоуѣка берегущъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
Насилу щей пустыхъ дадушъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

Здѣсь на себя какъ люшый звѣрь
Глядишь хозинъ, а съ хозяйкой. . . .
Не бось, не выманишь за дверь
Ея ни честью, ни нагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Чшо за край!
Валяшся сами въ ропъ голушки,
Виномъ хопъ пару поддавай,
А молодницы — молодушки!

Ей ей, не жаль опдать души
За взглядъ красотки *чернобровой*.
Однимъ, однимъ не хороши. . . .»
— А чѣмъ же? Расскажи, служивой.

Онъ спалъ крупишь свой длинный усъ
И началъ: «Молвишь безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ бышь, не шрусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

Ну, слушай : около Днѣпра
Споялъ нашъ полкъ ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-шо померъ , замѣчай-ка.

Вошь съ ней и подружился я ;
Живемъ согласно , такъ что любо :
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвишь грубо ;

Напьюсь — уложишь , и сама
Опохмѣлишься пригошовишь ;
Мигну бывало : Эй , кума ! —
Кума ни въ чемъ не прекословишь .

Кажись , о чемъ бы горевать ?
Живи въ довольствѣ , безобидно !
Да нѣтъ : я вздумалъ ревновать .
Что дѣлать ? врагъ поупалъ видно .

За чѣмъ бы ей, спалъ думашъ я,
Вставашъ до пѣшуховъ ! Кшо просишъ ?
Шалишъ Марусинька моя ;
Куда ее лукавый носишъ ?

Я спалъ присматривашъ за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была пюрьмы чернѣй
И на дворъ шумѣла буря)

И слышу : кумушка моя
Съ печи шихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку шонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И свѣъ на вѣшикъ передъ печкой,

Раздѣлась донага ; попомъ
Изъ склянки при раза хлѣбнула,
И вдругъ на вѣникъ верхомъ
Взвилась въ трубу и улинула.

Эге ! смекнулъ въ минушу я :
Кума-шо, видно, басурманка !
Посшой, голубушка моя ! . . .
И съ печки слвзъ — и вижу : склянка.

Понюхалъ : кисло ! что за дрянъ !
Плеснулъ я на полъ : что за чудо ?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лаханъ,
И оба въ печь. Я вижу : худо !

Гляжу : подъ лавкой дремлетъ кошъ ;
И на него я брызнулъ скляпкой —
Какъ фыркнешъ онъ ! я : брысь ! . . . И вошь
И онъ шуда же за лаханкой.

Я пу кропишь во всё углы
Съ плеча, во что ужь ни попало ;
И все : горшки, скамьи, столы,
Маршь ! маршь ! все въ печку поскакало.

Кой чоршь ! подумалъ я : шеперь
И мы попробуемъ ! и духомъ
Всю склянку выпилъ ; вѣрь не вѣрь —
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Спремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю ;
Лишь встрѣчнымъ звездочкамъ кричу :
Правѣй !... и на земь упадаю.

Гляжу : гора. На пой горъ
Кипящъ кошлы ; поюшь, играютъ,
Свиспашъ, и въ мерзоспной игръ
Жида съ лягушкою вѣнчаюшь.

Я плюнуль и сказашь хошьль. . . .
И вдругъ бѣжишь моя Маруся :
Домой ! Кпо звалъ шебя, поспрьль ?
Тебя съѣдять ! Но я, не спруся :

Домой ? да ! чорпа съ два ! почему
Мнѣ знашь дорогу ! — Ахъ, онъ спранный !
Вошь кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.

Чшобъ я, я съль на кочергу,
Гусаръ присяжный ! Ахъ пы, дура !
Или предался я врагу ?
Иль у шебя двойная шкура ?

Коня ! — На, дурень, вошь и конь.
И точно : конь передо мною,
Скребешъ копышомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ шпрубою.

Садись. — Вошь сълъ я на коня,
Ищу уздечки, — пѣшь уздечки.
Какъ взвися, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все шакже; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вошь чшо случается порою.

И сталъ крушинь онъ длинный усъ,
Прибавя: молвишь безъ обиды,
Ты хлопецъ, можешъ бышь, не шрусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.